

RU

Стилистическая окраска общественно-политической картины 1860-х годов в романе И. С. Тургенева «Дым»

Лоскутникова М. Б.

Аннотация. Цель исследования - выявить три значимых круга персонажей в романе И. С. Тургенева «Дым»: это обыватели, революционно настроенная публика и светские люди. Они даны автором в восприятии повествователя и главного героя Литвинова в модусном спектре иронии. Научная новизна состоит в анализе периферийной тургеневской систематики, ранее не освоенной наукой, - принципов расстановки фоновых в сюжетно-фабульном отношении второстепенных и эпизодических персонажей и стилистических особенностей их изображения (с опорой на эпитет). В результате было установлено, что прорывное решение «русского вопроса» Тургенев оставляет за Литвиновым как новым в своей художественной практике героем, доверяя его оценке.

EN

Stylistic Colouring of Socio-Political Landscape of the 1860s in I. S. Turgenev's Novel "Smoke"

Loskutnikova M. B.

Abstract. The purpose of the research is to identify three significant circles of characters in I. S. Turgenev's novel "Smoke": ordinary people, revolutionary-minded public and socialites. They are depicted by the author in perception of the narrator and protagonist Litvinov in the modus spectrum of irony. Scientific novelty lies in analysing peripheral Turgenevian systematics, which has not been previously studied, i.e. principles of arranging secondary and incidental characters that are of little importance plot- and storyline-wise and stylistic features of their portrayal (on the basis of the epithet). As a result, it was found that Turgenev leaves the breakthrough solution of the "Russian issue" to Litvinov as a new hero in his artistic practice, trusting his assessment.

Введение

Роман «Дым», пятый в практике Тургенева, был завершён в начале 1867 года и в том же году опубликован. Критики левого (в первую очередь) лагеря сразу объявили роман худшим произведением писателя. Но сам Тургенев был категорически с этим не согласен, о чем свидетельствует переписка автора с рядом лиц (И. П. Борисовым, Я. П. Полонским и др.), и прежде всего с А. А. Фетом. Так, обращаясь к этому близкому ему человеку, Тургенев прямо и жестко заявил: «...я уверен, что это (роман «Дым». – М. Л.) – единственно дельная и полезная вещь, которую я написал!» [7].

Актуальность исследования состоит в установлении правоты Тургенева и ее прогностической верности в исторической перспективе русской общественно-политической истории. Конкретика задач заключается в выявлении латеральных сторон творческого акта Тургенева (от дотекстового труда до текстопорождения): в определении характерологических особенностей второстепенных и эпизодических персонажей и в указании на ведущий стилистический прием писателя при формировании им их модусных сущностей. В ходе исследования продуктивным оказался апперцептивно-герменевтический метод анализа художественного целого. Теоретико-методологической базой в сфере типологии модуса являются работы В. И. Тюпы, Е. Г. Рудневой, М. А. Лазаревой; в области литературной стилистики – В. В. Виноградова, А. В. Чичерина, Ц. Тодорова, Е. Фарыно, Л. В. Чернец. Тургеневедческая историко-литературная база определена научной практикой Г. Б. Курляндской, а также А. И. Батюто, И. А. Беляевой, Р. Ю. Данилевского, В. М. Марковича, В. А. Недзвецкого, С. Е. Шаталова. Практическая значимость работы связана как с литературоведческими изысканиями в отечественной словесности XIX века, так и с преподаванием курсов русской литературы второй трети XIX века и теории литературы.

Основная часть

В своих романах Тургенев всегда писал о текущих процессах – о своей современности. Роман «Дым» – не исключение: это горько-ироническая, в том числе резко сатирическая, картина русской общественно-политической жизни. С обретением так называемой «новой манеры» письма, оцениваемой как объективная, Тургенев начиная с 1853-1854 годов становится ироничен, что было отмечено уже современниками [4]. Но ирония такой интенсивности, как в романе «Дым», проявляющаяся в спектре от драматизма и трагедийной напряженности при изображении центральных характеров и в остросатирическом и саркастическом изображении характеров «второго и последующего» рядов, для предельно толерантного Тургенева действительно беспрецедентна. К телеологии тургеньевского стилиобразования в данном романе в полной мере приложима формула А. Ф. Лосева: «Ироническое выражение говорит “да”, когда хочет сказать “нет”, и говорит “нет”, когда хочет сказать “да”» [3, с. 134].

Уточним сюжетно-фабульные основы произведения. Для Тургенева в романе всегда важен герой (что соответствует законам романного жанра). Главный герой, Григорий Литвинов, по линии отца – «из купеческого рода» [6, с. 253], мать дворянка. Такое изображение героя, «нечистокровного» дворянина, Тургенев уже опробовал ранее – в характере Федора Лаврецкого в своем втором романе «Дворянское гнездо» (1858, опубл. 1859). Однако во втором романе Тургенев не ставил перед собой задачи панорамного изображения общественно-политической жизни России, в том числе Лаврецкий не находил конструктивного выхода из личной драматической ситуации.

В юности, которая пришлась на начало 1850-х годов, Литвинов, будучи студентом Московского университета, глубоко и страстно полюбил красавицу княжну Ирину Осинину, девушку из обедневшего старинного рода, умную, но эгоистичную, с огромными социальными и материальными амбициями. В результате та отказалась от Литвинова и вошла в ближний круг императорского дома (в чем обнаруживаются прототипические отголоски документально-фактической, как всегда у Тургенева, стороны жизни, в данном случае – истории Александра II и его фаворитки княжны А. С. Долгорукой). А Литвинов, не окончив университетского курса, ушел в 1855 году в ополчение, став участником Крымской войны, и затем более четырех лет жил вне России – в Западной Европе, где учился «агрономии и технологии» [Там же, с. 254].

Эту предысторию героя Тургенев представил в ряде первых глав. Начало же сюжетного действия определено предельно конкретно – в первых словах романного текста, определяющих основной хронотоп произведения: «10 августа 1862 года... в Баден-Бадене» [Там же, с. 249]. К моменту начала сюжетного действия Литвинов волею случая оказался, таким образом, в Германии, поскольку обещал своей невесте Татьяне Шестовой (а в первую очередь ее тетке, воспитавшей девушку, – любопытствующей Капитолине Марковне Шестовой) показать этот немецкий курорт. Именно здесь, на заграничном курорте, Тургенев будет решать неизменный для его романного творчества «русский вопрос», в чем состоит глубочайшая трагедийная ирония автора. Иными словами, характерология представителей русского общества, с удовольствием пребывающих в западных реалиях, но безостановочно говорящих о судьбах России, дана глазами рядового человека, частного лица – Григория Литвинова, «каких довольно много бывает на белом свете» [Там же, с. 253]. Вместе с тем и конструктивно-итоговое решение «русского вопроса» непосредственно после Высочайшего Манифеста «О Всемиловейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля (3 марта) 1861 года Тургенев оставляет за Литвиновым.

В массовых сценах романа представлены три круга лиц, что позволило Тургеневу запечатлеть широчайшую картину русской современности. Все эти персонажи, как всегда в практике писателя, показаны в первую очередь с помощью эпитетов – оценочных определений этих характеров, «приложенных» (в переводе с древнегреческого языка) к указанным фигурам как к объектам наблюдения. Эпитет, по мысли В. В. Виноградова, позволяет создать в характере персонажа его «смысловой “фокус”» [2, с. 384], высветив особенности его личности и нравственно-духовной линии поведения.

В первый круг персонажей, представляющих сюжетно-фабульный фон произведения, входят «любезные соотечественники и соотечественницы» [6, с. 250] всех мастей. Эта обывательская общность определена уже самой манерой поведения: «пышно, небрежно, модно» подходили эти люди друг к другу; их взаимные приветствия звучали «величественно, изящно, развязно» – как это, по едкому замечанию повествователя, «и следует существам, находящимся на самой высшей вершине современного образования» [Там же]. При этом повествователь констатирует: «сойдись», эти люди «решительно не знали, что сказать друг другу» [Там же].

Обыватели вездесущи, однако в первую очередь предпочитают проводить время «в игорных залах, вокруг зеленых столов»: здесь теснятся «всем знакомые фигуры», их лица отмечены «тупым и жадным, не то изумленным, не то озлобленным, в сущности хищным выражением» [Там же, с. 249]. Создавая предельно обобщенные образы-знаки «X., Y., Z.», Тургенев единонаправленным взглядом повествователя и Литвинова беспощадно-иронически указывает на «графа X.», в котором окружающим видится «глубокая музыкальная натура» (с комментарием повествователя: он «в сущности двух нот разобрать не может»); на «восхитительного барона Z.» – «мастера на все руки», поскольку он «и литератор, и администратор, и оратор» (и, добавляет повествователь, «шулер»); наконец, на «князя Y.» – этого «друга религии и народа» (который, как вновь заключает всезнающий повествователь, составил «себе во время оно, в блаженную эпоху откупа, громадное состояние продажей сивухи, подмешанной дурманом») [Там же, с. 250]. В пестрой русской обывательской толпе слышится

и «горланная трескотня французского жаргона», и всегда есть место «вертевшимся итальянцам, молдаванцам, американским “спиритам”, бойким секретарям иностранных посольств, немчикам с женоподобною, но уже осторожною физиономией и т.п.» [Там же, с. 249, 252]. В этот круг обязательно также входят дамы типа «княгини Babette» – той самой, у которой, по ее словам, «на руках умер Шопен» (и повествователь уже не скрывает смеха: «...в Европе считают около тысячи дам, на руках которых он испустил дух») [Там же, с. 252].

Второй круг фоновых лиц в романе составляют уже не просто образы-знаки, а эпизодические персонажи, подчас обретающие статус второстепенных: это отдельно (и часто достаточно крупно) выписанные образы так называемых «передовых людей», пропагандирующих революционные идеи. Причем уже современникам Тургеневу было ясно, что практически все они имеют своих прототипов, что и вызвало ожесточенную реакцию на роман «Дым» со стороны левого лагеря.

Разоблачающие принципы и приемы в работе Тургенева над характерами этих «передовых людей» последовательно представлены на всех этапах создания романа, что исключает саму мысль о спонтанности оценки писателя. Так, Степан Губарёв, прототипом которого является Н. П. Огарёв, уже в первоначальном плане романа (который Тургенев традиционно для себя называл «Формулярный список действующих лиц») охарактеризован как «демократ-фанатик и лентяй», со следующим толкованием будущего образа: «...туп, меланхоличен, важен, упорен, бездарен, но не глуп» и т.д. [8, с. 108]. Практически все указанные характеристики в точности воспроизведены или перечислены и в каноническом тексте романа. Или, например, Алексей Пищалкин, персонаж из губарёвского круга, который в «Формулярном списке» определен как «идеалист – с прекрасными стремленьями – но ограничен и пошл» (к тому же «говорит тупо, но с убеждением и важностью» и т.д.) [Там же, с. 109], в каноническом тексте романа предстает как человек «ограниченный, мало знающий и бездарный, но добросовестный, терпеливый и честный» [6, с. 265]. Или Тит Биндасов, также принадлежащий к губарёвцам, согласно «Формулярному списку» – «шумный бурш», «самолюбив, циничен, хохочет – а в душе кулак», «рожа измятая» и др. [8, с. 108], со всеми указанными чертами выведен и в каноническом тексте романа (ср.: «с виду бурш, а в сущности кулак», ведет себя «с великою наглостью», у него от злобности не лицо, а «рожа» и др. [6, с. 266, 306, 398]).

Список персонажей, входящих в романский круг революционно настроенных людей, можно продолжить, равно как возможно и указание на иронично-сатирические оценочные характеристики этих фигур, включенные автором в речь повествователя и солидаризирующегося с ним в мысленном выводе Литвинова. В понимании главного героя романа, всё, к чему сводятся высокоумные «передовые» разговоры, – это не более чем «бешенство сплетни» [Там же, с. 264].

Удивительно мало внимания в научной и научно-критической литературе уделено третьему кругу фоновых персонажей романа. Однако это значимые в произведении фигуры – равно как были значимы их прототипы в жизни: речь идет не просто о светских людях, а о ближнем круге главы государства – императора Александра II и императорской фамилии. Так, Тургенев укрупняет образы «молодых генералов», с радостью проводящих время не в России, а на благоустроенных для отдыха и развлечений западноевропейских территориях. Призванные быть проводниками императорской воли и носителями новых идей по реализации социальных реформ, в том числе организационно-административных, образовательных, судебных и проч., выписанные Тургеневым «молодые генералы» на деле саботируют положения Манифеста 19 февраля 1861 года и последующих законодательных актов.

Получив от жизни всё, что только возможно, и в первую очередь поддержку императора, «молодые генералы», эти практически «государственные люди», находясь на пикнике в окрестностях Баден-Бадена, страстно-заинтересованно (и игнорируя окружающих) обсуждают «девятнадцатое февраля», отстраненное от момента романного действия лишь полутора годами, и говорят с нескрываемой – мучительной и жгучей – надеждой «переделать всё сделанное», поскольку, в их понимании, «надобно совсем назад вернуться» [Там же, с. 302, 304]. Приведем фрагменты из речи одного из «молодых генералов», охарактеризованного повествователем с помощью постоянного при данном характере эпитета – «раздражительный»: «О журналах все? О шелкоперах? Позвольте, я вам расскажу, какой у меня был анекдот с шелкопером – чудо! Говорят мне: написал на вас... пашквиль. Ну я, разумеется, тотчас его под цугундер. Привели голубчика... “Как же это ты так, говорю, друг мой... пашквили пишешь? *Аль патриотизм одолел?*” – “Одолел”, говорит. <...> Тут я ему, милостивые государи мои, дал набалдашник моей палки понюхать» [Там же, с. 302] (курсив автора статьи. – М. Л.). За этим высказыванием «раздражительного» генерала следует приятная для его слуха смеховая реакция его единомышленников.

Лавина суждений этого «не одоленного патриотизмом» высокопоставленного военного безудержна, и он, встречая полное взаимопонимание со стороны своего круга, говорит «изнеженным, почти расслабленным голосом»: «Поймите меня. Я не враг так называемого прогресса; но все эти университеты да семинарии там, да народные училища, эти студенты, поповичи, разночинцы, вся эта мелюзга...»; «Да-с, нужно остановиться. Самоуправление, например, – разве кто его просит? <...> Уж лучше по-старому, по-прежнему... верней гораздо. Не позволяйте умничать черни... <...> А прогресс... я, собственно, ничего не имею против прогресса. Не давайте нам только адвокатов, да присяжных, да земских каких-то чиновников... а мосты, и набережные, и гошпитали вы можете строить, и улиц газом отчего не освещать?» [Там же, с. 302-303]. Реакция аудитории на этот «поток сознания» своего приятеля по-светски изящна и одновременно чудовищно уродлива: «шалун неисправимый» – такую оценку сказанного дает его приятель, выведенный в романе как «снисходительный» генерал [Там же, с. 304].

Тургенев определяет характеры «молодых генералов» с помощью аллегорических ярлыков, считая эту понятийно-однозначную оценку достаточной. Три генерала, показанные в сцене пикника, – «раздражительный»,

«тучный» и «снисходительный» [Там же, с. 298-304] – явлены писателем убийственно-иронически: в них представлены страшные типы антигероев. Это интертекстуальная и пародийная в социально-нравственном смысле реакция Тургенева на «трех богатырей» из пушкинской поэмы «Руслан и Людмила» – Фарлафа, Рогдая и Ратмира. Доказательством интертекстуальной связи служит, в частности, замена Тургеневым фамилии генерала с самой «блестящей» карьерой [Там же, с. 316] – именно того, кому удалось стать мужем княжны Ирины Осининой, – с «Селунский» (в «Формулярном списке») на «Ратмиров» (в каноническом тексте романа).

Система эпитетов является не только стилистическим инструментом в изображении характеров, но и самодостаточной композиционной деталью при разработке каждого образа. Так, Ратмиров-Селунский выведен в парадигме, как значится в «Формулярном списке», «типа образованного, учтвого, проницательного и в сущности не только пустого, но и на все гадости и притеснения способного генерала»; он «необыкновенно чист, свеж, румян, гибок и липок; осторожен, молчалив где нужно – и всегда сдержан» [8, с. 110]. Эти оценивающие подробности воплощены в романном изображении «молодого генерала», вплоть до буквального их повторения, в результате чего генерал Ратмиров показан как светский человек, который идет по жизни, руководствуясь правилами и почти заповедями «фамилярно-почтительного обращения с высшими, грустно-ласкового, почти сиротливого прислуживанья, не без примеси общего, легкого, как пух, либерализма» [6, с. 316].

Для понимания романа важны разноплановые впечатления Григория Литвинова о соотечественниках в Баден-Бадене. Если Литвинов воспринимает обывательскую публику с большой иронией (солидаризируясь с повествователем) и испытывает тяжелую тоску при встречах с «передовыми людьми» – Губарёвым и губарёвцами, то к «молодым генералам» и их кругу у него отношение особое. Именно их Литвинов расценивает как наиболее опасных для России носителей предательской идеологии и видит в них личных «врагов» [Там же, с. 305].

Возвратясь в Россию с твердым убеждением, что надо «хозяйничать» на своей родной земле (и в широком смысле слова, и конкретно у себя в имении), Литвинов постепенно осознает, что для успехов в этих делах требуется терпение, «и терпение не страдательное, а деятельное, настойчивое» [Там же, с. 400]. На третий год хозяйствования Литвинов получает первые результаты своих трудов, что для него существенно не только в материально-финансовом отношении, но и в окончательном нравственном очищении от дымных обстоятельств прошлой жизни.

В данном понимании жизненных перспектив Тургенев в целом (публицистически, но еще не художественно) определился за несколько лет до написания романа «Дым». Так, значимость аллегорически-однозначного образа и мотива «дым», развивающегося в пятом романе автора как символически-многозначная ситуация, была отмечена Тургеневым еще в его статье «Гамлет и Дон-Кихот» (1860): «Всё пройдет, всё исчезнет, высочайший сан, власть, всеобъемлющий гений, всё рассыплется прахом... Но добрые дела не разлетятся дымом; они долговечнее самой сияющей красоты» [5, с. 348].

Заключение

Весь строй «художнически-полемического» [1, с. 346-347] романа «Дым» связан с обретением главным героем Григорием Литвиновым смысла своего существования – с формированием в его самосознании устойчивого представления о том, что этот смысл состоит в самой русской жизни в пределах Отечества и в развитии той ее корневой системы, которая и создает полноту индивидуального и общественного бытия. Фигуры людей, подобных Литвинову, для Тургенева – те личности, внешне неяркие и не вызывающие к себе модного или тем более скандального интереса, которые и есть спинной хребет России.

Сюжетно-композиционная организация произведения и расстановка в нем характеров поддерживаются модусно-стилистической телеологией. Если для разработки центральных образов предназначены драматические и трагедийные грани иронии, то при изображении фоновых в сюжетно-фабульном отношении персонажей (второстепенных и эпизодических, служащих для обозначения и раскрытия воспринимаемых главным героем обстоятельств) писателю необходимы ее сатирические и саркастические грани. В достижении авторских целей Тургенев использует в первую очередь эпитеты, раскрывающие суть характеров. Востребованы как одиночные и парные эпитеты, так и их цепочки из трех и более слов и словосочетаний (выраженных прилагательными и причастиями при номинации героя и/или персонажа как объекта наблюдения и наречиями при указании на поведенческие качества героя и/или персонажа).

Перспективы дальнейшего исследования состоят в необходимости всестороннего выявления стилистической телеологии Тургенева в 1860-е годы.

Источники | References

1. Анненков П. В. Русская современная история в романе И. С. Тургенева «Дым» // Анненков П. В. Критические очерки / сост., вступ. ст. и примеч. И. Н. Сухих. СПб.: РХТИ, 2000. С. 326-350.
2. Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы: избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 369-458.
3. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы // Лосев А. Ф. Форма. Стил. Выражение / сост. А. А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1995. С. 5-296.
4. Лоскутникова М. Б. Ирония в прозе И. С. Тургенева: мнения и оценки // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2018. № 2 (30). С. 8-14.

5. Тургенев И. С. Гамлет и Дон-Кихот // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Сочинения: в 12-ти т. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1980. Т. 5. Повести и рассказы 1853-1857 годов; Рудин. Статьи и воспоминания, 1855-1859. С. 330-348.
6. Тургенев И. С. Дым // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Сочинения: в 12-ти т. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1981. Т. 7. Сочинения, 1861-1867. С. 246-407.
7. Тургенев И. С. - Фету А. А., 26 июля (7 августа) 1867 года, письмо № 2053 [Электронный ресурс] // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: в 30-ти т. Письма: в 18-ти т. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Наука, 1990. Т. 8. Письма. Июнь 1867 - июнь 1868. URL: http://imwerden.de/pdf/turgenev_pss_pisma_tom08_ijun_1867-ijun_1868_1990_text.pdf (дата обращения: 17.07.2021).
8. Тургенев И. С. Формулярный список действующих лиц новой повести: подготовительные материалы к роману «Дым» / публ. и послесл. П. Уоддингтона // Русская литература. 2000. № 3. С. 106-142.

Информация об авторах | Author information

RU**Лоскутникова Мария Борисовна**¹, к. филол. н., доц.¹ Московский городской педагогический университет**EN****Loskutnikova Maria Borisovna**¹, PhD¹ Moscow City University¹ maria.loskutnikova@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.07.2021; опубликовано (published): 15.09.2021.

Ключевые слова (keywords): Тургенев; русская литература 1860-х годов; литературный характер; ирония; типология персонажей; Turgenev; Russian literature of the 1860s; literary persona; irony; typology of characters.